

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФ. ПИСАРЕВЫМ А. А.

Interview with prof. Aleksandr A. Pisarev, Tamkan University (Taiwan)

*Проект выполнен при поддержке гранта РГНФ № 12-21-10000
«Китаеведение – устная история»,*

*The Project is supported by RHSF Grant № 12-21-10000 «Sinology – the Oral History»,
International Academic Contest by RHSF (Russia)*

Писарев Александр Андреевич, 1950, д.и.н., профессор (АП), Университет Тамкан (Тайвань)	Aleksandr A. Pisarev, 1950, Full Doctor (History) 1992, professor, Tamkan University (Taiwan)
Проект: Китаеведение – устная история	Project: Sinology – Oral History
Место интервью: Тайпэй, Тайвань	Place: Taipei, Taiwan, ROC
Дата: 22 февраля 2012 г.	Date: Feb. 22, 2012
Брал интервью: Головачёв В.Ц. (ВГ), снс ИВ РАН	Interviewed by: Valentin Golovachev, Institute of Oriental Studies, RAS
Комментарии: Писарев А.А., Головачёв В.Ц.	Comments by: Aleksandr A. Pisarev, Valentin C. Golovachev
Продолжительность: 4 часа	Duration: 4 hours
Объем: 96919 знаков с пробелами, 54 страниц по 1800 знаков с пробелами, 2,4 а. л.	Volume: 54 pages



Писарев Александр Андреевич (1950 г.р., Владивосток). Китаевед, д.и.н. (1992), профессор (1994). Родился в г. Владивосток. Выпускник ИСАА при МГУ (1973). Преподаватель ИСАА МГУ (1974-1998), профессор Института Европы, Тамканский университет (Тайвань, с 1996). Специалист по истории Китая в новейшее время (республиканский период).

Текст интервью:

ВГ: Сегодня 22 февраля 2012 года. Запись интервью с известным российским китаеведом-историком, профессором Александром Андреевичем Писаревым, который уже 16 лет живет и работает, преподает в Тамканском университете на Тайване...

Здравствуйте, Александр Андреевич! По традиции, мы начинаем запись подобных интервью с короткого знакомства. Позвольте узнать, что Вы говорите незнакомым людям, когда они интересуются Вами и Вашей профессией: «Кто Вы?» 你是什麼人? Как отвечаете на этот простой и в то же время сложный вопрос?

АП: На Тайване, как и в Китае, первый и чаще всего задаваемый вопрос, с которого завязывается диалог или знакомство, это: «Вы из какой страны?» 您是那國人? Узнав, что из России, спрашивают: «Откуда Вы родом?» Затем: «Сколько Вам лет?» Это очень вежливый вопрос в Китае, демонстрирующий интерес со стороны собеседника. Потом спрашивают про семью и детей. И только после этого обычно задают вопрос о профессии или работе: «Кто Вы? Чем Вы занимаетесь?»

ВГ: Тогда позвольте, следуя названному порядку, начать с такого вопроса: «Откуда Вы родом, и сколько Вам лет?»

АП: Я родился в 1950 году. Моя семья, мои дедушка, бабушка и родители были москвичами. Но родился я во Владивостоке. Почему так произошло? Это семейная быль. Вернувшись с фронта после Второй мировой войны, мой папа работал в Москве, в прокуратуре Московского военного округа. В это же время в прокуратуре работала секретаршей и моя очаровательная будущая мама. Но мама была замужем. ... Последовал бурный роман между родителями, развод мамы, женитьба моих родителей и неизбежная «ссылка» на Дальний Восток. Поскольку отец был членом партии, такое поведение не очень приветствовалось... Могли быть и более тяжелые последствия, поэтому родители решились ехать в эту «ссылку», конечным пунктом

которой был не Владивосток, а Сахалин, город Южно-Сахалинск. Таким образом, я появился на свет по пути на Сахалин, и это случилось во Владивостоке. В конце 1950 года мои родители и я в полугодовалом возрасте прибыли на Сахалин на трофейном японском пароходе «Анива». Поскольку не было квартиры, первое время мы жили в камере предварительного заключения (КПЗ), переоборудованной моей мамой под жилую комнату. Мама сделала стол и стулья из коробок от тушёнки и накрыла их кружевными салфетками, которые привезла в большом количестве из Москвы... Позднее наша семья переехала в небольшой дом, реквизируемый после высылки японцев. От тех времен осталась очень красивая японская ваза, которая по своему прямому назначению использовалась как жаровня.

ВГ: Выходит, уже с первых секунд своей жизни Вы оказались на Дальнем Востоке, недалеко от Китая, с которым связана вся Ваша дальнейшая судьба?

АП: Да! Тот самый тяжелый этап «ссылки» пролился около двух лет, после этого родителям разрешили вернуться на «большую землю». Поскольку мой отец был человеком военным, ещё четыре года наша семья переезжала из гарнизона в гарнизон. Мы жили в Калинин, в Ржеве, где я пошёл в школу. После этого семья всё же перебралась в Москву, и я оканчивал школу в Москве. Кстати, я учился в очень любопытной школе, недалеко от центра Москвы, Кремля и «Дома на набережной». В этой школе, расположенной прямо напротив Кремля, рядом с английским посольством, учились дети и внуки всех героев советской истории 1920-1950х годов. Жили мы на улице Большая Якиманка, дом 7, квартира 4, и этот адрес я запомнил на всю жизнь. С последнего этажа дома был виден Кремль. Все праздничные демонстрации проходили по Якиманке, которую потом переименовали в улицу Димитрова.

ВГ: Ваши родители произвели Вас на свет на Дальнем Востоке. Помимо этого, имели ли они какое-то отношение к Азии или Китаю?

АП: Нет. До момента отъезда на Дальний Восток мои папа и мама никакого отношения к этим краям не имели. Хотя, родители были очень образованными людьми, и у нас дома имелась прекрасная библиотека, в которой были книги по Востоку. Но специально они Востоком не занимались.

ВГ: Помните ли Вы, когда впервые услышали слово «Китай» или узнали о существовании этой страны?

АП: Думаю, любой человек моего поколения, насколько он себя помнит, помнит и Китай. Потому что 1950е годы были периодом большой дружбы между Советским Союзом и Китаем. Я помню, были какие-то «материальные признаки» этой дружбы в виде китайских зонтиков и прочего ширпотреба. У моей мамы был такой зонтик. В общем, Китай был тогда очень популярен в Советском Союзе. И все, даже малые несмышленные дети, знали или хоть что-то слышали о китайской революции.

ВГ: Помимо маминого зонтика, с чем связаны Ваши самые первые, самые ранние представления о Китае?

АП: Когда мы жили в городе Ржеве, в гарнизоне, мама собирала детей сослуживцев моего отца. Тогда не было, конечно, никакого телевидения. Но была такая вещь, которая называлась «фильмоскоп». Был экран, очень простой проекционный аппарат и плёнки. Среди этих плёнок была сказка о китайском мальчике из крестьянской семьи, по фамилии Ли, который с малых лет работал на рисовом поле. Может быть, именно с того момента, когда я услышал эту историю и увидел изображённый на плёнке сельский Китай, и начался мой интерес к этой стране. Всё это произвело какое-то особенное впечатление, поскольку было слишком непохожим на то, что я видел вокруг. Это была другая жизнь, другой мир и другая культура. В то время мне было, кажется, пять лет!

ВГ: Шло время, была окончена школа, и встал вопрос о выборе профессии. Кто или что повлияло на Ваш выбор профессии? Вы сразу «пошли в

китаеведы», или это была более сложная история? Случайно это произошло или не случайно?

АП: Скорее всего, это было неслучайно. На самом деле, тут нужно вспомнить особенности советско-китайских отношений в середине 1960х годов, начавшуюся в Китае в 1966 году «культурную революцию» и шесть предшествующих лет постоянной полемики в печати. Советский Союз резко критиковал Китай, а китайцы называли руководство КПСС «ревизионистами» и «каппутистами» (попутчики капитализма). В общем, всё это было на слуху. И в СССР стал формироваться уже другой образ Китая – уже что-то не совсем дружеское, а, скорее, внешнее и враждебное. Наряду с этим, для меня лично Китай оставался всё же не столько враждебной, сколько загадочной страной с уникальной культурой.

Вообще, молодым людям свойственно себя переоценивать. Прочитав почти все книги в нашей немаленькой семейной библиотеке, я сказал себе, что, кажется, уже представляю, что такое Запад. Ну, и что такое Россия, которую тогда не отделял в своем представлении от Запада. После этого пришла следующая мысль: «Но я ведь совершенно не знаю, что такое Восток!» Это правдивая история. Когда же я думал о том, какая страна в наибольшей степени представляет Восток, то ответ был совершенно очевиден – Китай – страна с очень древней, непрерывной, богатой культурой и цивилизацией. И я решил заниматься Китаем, несмотря на то, что изучение Китая было в то время выбором совсем не престижным. Хотя могла быть и другая страна. Может быть, Япония. Скажу честно, когда я подавал документы в тогдашний Институт восточных языков при МГУ, то написал в заявлении две страны, которыми хотел бы заниматься. Тогда можно было сделать так: одну страну ты пишешь первой, предпочтительной, но указываешь и вторую страну. Япония, конечно, была в то время престижным выбором. Потому что, в отличие от Китая, это была развитая и богатая страна. Страна тоже с очень непохожей на нашу и своеобразной культурой.

Тогдашний Китай, по нашим представлениям (и эти представления не были обосновательными), был ввергнут в глубокий кризис. Это была страна, задыхавшаяся от экономических и социальных проблем. В общем, не слишком прагматичный выбор с точки зрения молодого человека, который думает о своем будущем. Тем не менее, я указал Китай на первом месте. И так как я неплохо сдал английский язык, меня решили «бросить» на Китай... С самого начала у нас был историко-филологический факультет, который состоял из двух отделений: истории и филологии. Для меня было совершенно очевидно, что я буду заниматься историей...

ВГ: Почему же Вы предпочли историю?

АП: Мой интерес к истории пробудился примерно тогда же, когда меня поразила история мальчика по имени Ли. В том самом городе Ржеве я пришёл в гости к одному из своих старших друзей и увидел у него на столе книжку по истории средних веков. Я полистал, почитал эту книгу, и понял, что это мне интересно. Поэтому поступление в институт стало для меня большой удачей. Мой интерес к загадочному Китаю, о котором я в то время не имел почти никаких ясных представлений, соединился с моим интересом к истории.

ВГ: Два слова – «история» и «Китай» соединились таким образом в Вашей судьбе. Но тут к ним, очевидно, добавилось и третье слово – «язык». Та самая пресловутая «китайская грамота», которую вынужден одолевать каждый китаевед, и которая вызывает культурно-психологический шок у каждого приступающего к её изучению.

АП: Да! И до сих пор я его изучаю, этот китайский язык!

ВГ: Как складывались Ваши личные отношения с китайским языком? Кто преподавал? Как Вы его изучали?

АП: Трудно было, на самом деле. У меня были замечательные преподаватели. Фонетику нам преподавала Тамара Павловна Задоевко.¹ Я, наверно, принадлежал практически к первому поколению китаеведов, которым ставили произношение таким образом, что носитель языка мог понять нашу речь. До этого фонетика и тоны китайского языка были неизвестны отечественным китаеведам. Все говорили «как Бог на душу положит», и взаимопонимания с китайцами очень часто не получалось. Я благодарен Тамаре Павловне за то, что, в конце концов, научился говорить по-китайски так, что меня понимают, и я понимаю. Что я, мои сокурсники и последующие студенты говорим на так называемом «нормативном» китайском языке. Хотя, как Вы сами знаете, Китай – страна с массой диалектов, и это вызывает определенные трудности.

ВГ: Какие ещё были сложности с изучением китайского языка, помимо тонов?

АП: Иероглифика, конечно!

ВГ: Вы изучали традиционные (полные) или сокращенные иероглифы? Или те и другие одновременно?

АП: Это следующая проблема, о которой я тоже хочу сказать. Но сначала о тонах. Моя мама была замечательной музыкантшей. В учебниках, по которым мы учились, обучение произношению тонов китайского языка было «иллюстративным», и оно могло соответствовать игре на музыкальных инструментах. Сначала у меня «выпевание» тонов плохо получалось. Но моя мама, полистав учебник китайского языка и увидев там нотные знаки, села за пианино. И мы каждый вечер с ней «пели»: ma1-ma2-ma3-ma4! Вот, поэтому я благодарен не только Тамаре Павловне, но и своей маме, которая обучила меня, как мне кажется, правильному произношению тонов в китайском языке...

¹ Задоевко Т.П. (1924-1993, Луганск). Китаевед-филолог, к.филол.н. (1955). Окончила Московский институт востоковедения (1951). Преподаватель филологического факультета МГУ (1956), ИСАА МГУ (с 1956). Автор известного учебника китайского языка: *Задоевко Т.П., Хуан Шуин.* Учебник китайского языка. – М.: Наука, 1973. 755 с.

Вторая сложность, с которой сталкиваются все китаеведы, это иероглифика. Дело в том, что тогда ещё не было русско-китайских словарей с упрощёнными иероглифами. Это и хорошо, и плохо. Почему? Почти все тексты, которые нам давали на занятиях, были текстами из современной китайской печати, либо из адаптированной к современным иероглифам литературы. А словарь у нас был один – Ошанинский! Знаменитый словарь, в котором, как известно, есть только полные (традиционные) иероглифы.² Поэтому, если ты сталкивался с неизвестным иероглифом, то был только один способ: листать в Ошанинском словаре все разделы, где были «ключи», похожие на нужный иероглиф.

ВГ: Не самый быстрый, конечно, но всё же полезный для обучения способ!

АП: Думаю, да, очень полезный способ!

ВГ: Вы уже упомянули Тамару Павловну Задоевко. Но, наверно, были и другие преподаватели, которые вложили в Вас свои силы, знания, душу? Можно ли вспомнить о них в нашем интервью?

АП: Конечно, можно. И нужно это сделать! Потому что это были незаурядные люди. Если говорить о преподавании китайского языка, то я должен поблагодарить и объясниться в любви к ещё одному преподавателю – Хуан Шу-ин.³ Или, как она просила себя называть: «Хуан сяньшэн» 黄先生. Это супруга известнейшего нашего китаевода, Михаила Васильевича Крюкова,⁴ который на более старших курсах обучал меня премудростям древнекитайского языка. Задоевко преподавала нам грамматику и фонетику,

² *Ошанин И.М.*, ред. Китайско-русский словарь (Более 70 000 слов и выражений). – М., 1959. 1101 с.

³ *Хуан Шу-ин*. Китаевед-филолог. В 1960-1990х гг. преподавала китайский язык в ИСАА при МГУ. Автор ряда популярных учебников китайского языка.

⁴ *Крюков М.В.* (1932, Москва). Китаевед-историк, этнолог. Д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский университет (КНР, 1962). Академик Европейской Академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1955-1957), института этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского университета (Тайвань, 1993-2002). Автор более 350 работ.

а разговорному китайскому языку нас учила Хуан Шу-ин. Нам очень повезло, потому что всё то, чему нас учила Задоевко, можно было практически услышать на занятиях Хуан Шу-ин. У нас было два преподавателя, носителя китайского языка: Хуан Шу-ин и Тань Ао-шуан.⁵ Тань – тоже очень известный китаевед и талантливый преподаватель.

ВГ: Помимо китайского языка, кто преподавал вам курсы по истории, экономике и культуре Китая?

АП: Все эти преподаватели были людьми исключительными. Как вы знаете, историю Китая обычно преподают соответственно течению времени: древняя, средневековая, новая и новейшая история. Историю древнего и средневекового Китая нам преподавала Лариса Васильевна Симоновская.⁶ Когда я поступил в ИСАА, она была уже человеком преклонных лет. Но, вот, что ей было свойственно, что было очевидно с первого взгляда, это аристократизм, благородство и доброта. К этому ещё можно добавить и высочайшую степень профессионализма. Поскольку она была добра ко всем нам без исключения, никогда не ругала за ошибки, а всегда побуждала к лучшему, мы её называли «наша бабушка». Возможно, если бы она услышала как мы её называли прооуж себя, ей было бы обидно. Но в наше оправдание хочу сказать, что за этим стояли большая любовь и очень глубокое уважение. Лариса Васильевна получила то классическое российское воспитание, которое предполагало умение задавать в процессе преподавания вопросы и признаваться в том, что вопросы существуют и для того человека, который преподаёт. Симоновская занималась «поздним средневековьем», его социальной историей или тем, что мы скорее назвали бы сейчас «социальными институтами», с особым интересом к тому, как эти институты

⁵ *Тань Ао-шуан* (1931, Шанхай). Китаевед-филолог. к.филол.н. (1972), профессор (2000). Преподаватель ИСАА при МГУ с 1960 г.

⁶ *Симоновская Л.В.* (1902 – 1972, Харбин). Китаевед-историк, Д.и.н.(1967), профессор (1967). Преподаватель ЛВИ, ДВГУ, Харьковского ГУ (1936-1944), исторического факультета (1944) и ИВЯ при МГУ (1956-1972).

работали или не работали в период политических кризисов, следствием которых становились крестьянские восстания. Я помню как Лариса Васильевна, обращаясь к каким-то темам истории Китая, часто говорила: «А, вот, что было потом, я не знаю! А, вот, как это понять? У меня нет на это ответа!» И это служило как бы приглашением вместе поразмышлять над поставленными вопросами и вместе искать ответы на них. Это было не очень характерно для тогдашней нашей «советской» системы обучения, которая была ориентирована скорее на то, чтобы давать готовые ответы на все вопросы. Причём «единые» ответы, которые уже не подлежали обсуждению.

ВГ: Кто ещё из известных китаеведов помогал Вам приобщаться к изучению Востока в стенах Московского университета?

АП: Историю стран Азии и Африки нам преподавала Зинаида Григорьевна Лапина.⁷ А Михаил Васильевич Крюков вёл «вэньянь». Я также слушал некоторые лекции, которые Михаил Васильевич давал в общей программе и по проблемам национального характера в Китае. Но для меня он был тогда в основном преподавателем древнекитайского языка, автором фундаментальнейшего учебника «Древнекитайский язык»⁸ и человеком, способным растолковать особенности и тонкости грамматики «вэньяня». С Михаилом Васильевичем и его супругой Хуан Шу-ин, можно сказать, я дружен и в настоящее время, несколько дней тому назад я беседовал с ними у них дома в Санья, на острове Хайнань. Слава Богу они здоровы и прекрасно выглядят. Встречаясь с ними, я всякий раз поражаюсь глубине и масштабам их талантов и бесконечному трудолюбию.

ВГ: Скажите, пожалуйста, кто из известных китаеведов учился вместе с Вами, в одной группе или на одном курсе?

⁷ Лапина З.Г. (1934, Москва). Китаевед, д.и.н.(1986), профессор (1990), заслуженный профессор МГУ (2002). Окончила ИСАА при МГУ (1957), исторический факультет Пекинского университета (1960). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1964). Специалист по средневековой истории Китая. Интервью для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁸ Крюков М.В., Хуан Шу-ин. Древнекитайский язык. – М.: Наука, 1978, 512 с.

АП: Все пять лет я просидел за одной партой с Владимиром Ганшиным,⁹ к сожалению, так рано ушедшим из жизни! На протяжении многих лет он был моим очень хорошим другом. Но наши жизненные пути после окончания ИСАА разошлись. Он занялся журналистикой, а я остался в институте, куда был принят на работу в качестве преподавателя. Мы стали меньше встречаться и, вот, от Вас я узнал, что этот талантливый, полный сил человек ушёл из жизни в 60 лет. Ещё одним моим сокурсником был Александр Кондрашевский.¹⁰ Известный китаевед, специалист по китайскому языку, заведующий кафедрой китайского языка в МГИМО(У). Это был высокопрофессиональный человек, который, как мне кажется, сделал очень много для совершенствования системы преподавания китайского языка в России...

Кроме китаеведов я дружил ещё с некоторыми очень известными ныне востоковедами. Например, Андрей Ильич Фурсов¹¹ – знаменитый специалист по России и Востоку, автор многочисленных трудов, начинал как монголовед именно в ИСАА.

ВГ: Был ещё и Ваш коллега, Владимир Вячеславович Малявин...¹²

АП: Так получилось, что в связи с переездами из одного гарнизона в другой я поступил в ИСАА МГУ позже. На самом деле, мы с Владимиром

⁹ *Ганшин Владимир Георгиевич* (1951-2011, Феодосия). Китаевед, к.и.н. (1979). Окончил ИСАА при МГУ (1973). Спец. кор. АПН, газеты «Известия» в Монголии и Сев. Корее (1973-1991). Научный сотрудник института Дальнего Востока РАН (2000-2011).

¹⁰ *Кондрашевский Александр Фёдорович* (1951-2011). Китаевед, к.филол.н. (1983). Преподаватель ИСАА при МГУ (1978-1988). Преподаватель МГИМО(У) (с 1988).

¹¹ *Фурсов Андрей Ильич* (1951 г.р., Москва). Российский историк, социолог, публицист, организатор науки. К.и.н. (1986). Окончил ИСАА при МГУ (1973). Действительный член (академик) Международной Академии наук (International Academy of Science), Австрия (2009). Автор 9 монографий и более 250 статей.

¹² *Малявин В.В.* (1950 г.р., Москва). Востоковед (китаевед), историк, философ. Д.и.н.(1988), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1972). Преподавал в ИСАА при МГУ (1975-1988). Работал в институте этнографии РАН (1985-1991). Профессор Тамканского университета (Тайвань, с 1997). Специалист по древнекитайской философии, культуре и этнической истории Китая. Автор более 30 книг и сотен статей. Интервью с В.В. Малявиным для проекта «Китаеведение – устная история» см. на сайте ИВ РАН: <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

Вячеславовичем ровесники. Он уже в студенческое время был легендой на нашей кафедре истории Китая. Все началось с его курсовых работ. Его научным руководителем была Эмилия Павловна Стужина,¹³ совершенно уникальный человек и учёный. Я помню, в то время прошел слух о том, что, зайдя как-то на кафедру, Стужина сказала: «Вот, Малявин дал мне главу своей дипломной работы. Это будет выдающийся ученый!» И это предсказание полностью оправдалось! Жизнь человеческая складывается зачастую так причудливо, что её повороты выглядят почти фантастично. Ну, кто мог предположить, что Владимир Вячеславович, с которым мы много лет вместе проработали на кафедре истории Китая ИВЯ-ИСАА, окажется моим коллегой по работе в Тамканском университете на протяжении последних пятнадцати лет.

ВГ: В середине ноября 2011 года я встретился на юге Тайваня, во время конференции при университете имени Сунь Ят-сена, с сотрудником Института Дальнего Востока РАН, Дмитрием Анатольевичем Смирновым.¹⁴ Кажется, это тоже Ваш одноклассник...

АП: Да, я учился с Димой в одной группе, и уже в то время было заметно, что он человек очень способный, трудолюбивый и глубоко интересующийся историей Китая.

ВГ: Кто из вас успешнее всех осваивал китайский язык?

АП: Ну, я не могу сказать, что среди нас были явные «чемпионы». Всем он давался нелегко, но все и старались. Как мне кажется, общий уровень к моменту окончания университета был у нас примерно одинаковым.

ВГ: Тогда, в начале 1970х годов, у вас не было возможности поехать в Китай?

¹³ *Стужина Э.П.* (1931-1974). Китаевед-историк. К.и.н. (1962). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1957). Специалист по социально-экономической истории Китая в средневековье и новое время. Автор более 30 работ.

¹⁴ *Смирнов Д.А.* (1952 г.р., Москва). Китаевед-историк. К.и.н. (1985). Окончила ИСАА при МГУ (1975). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1975). Основная сфера исследований: идейно-политические основы модернизации Китая и внутренняя политика КНР.

АП: Нет, это было исключено! Единственный в то время путь хоть как-то соприкоснуться с Китаем – это стажировка в Сингапуре. Но Сингапур – место маленькое, а желающих попасть туда было всегда много, и я не оказался в их числе...

ВГ: Как определялись Ваши интересы в области истории Китая? Как Вы выбирали период, темы, проблемы исследований? И кто, кстати, был Вашим научным руководителем?

АП: Вот тут мы должны вспомнить Александра Мироновича Григорьева,¹⁵ которого я просто обожаю. Он был руководителем моей курсовой работы на четвёртом курсе. Был научным руководителем моей дипломной работы и моей кандидатской диссертации. Александр Миронович, не побоюсь этого слова – выдающийся, блестящий китаевед. Настоящий, в высшей степени ответственный человек и исследователь, имевший, кроме того, столь важный для преподавателя масштаб личности и блеск ума. Это человек, который сразу «заражал» тебя после первой встречи своим интересом не только к фактам, но и к проблемам. Это человек, который умел формулировать проблемы и учил, прежде всего, поиску вопросов. Потому что, как понятно, вопрос всегда предшествует ответу. Это я прежде всего стараюсь объяснить моим студентам здесь, на Тайване. Настоящее исследование начинается только тогда, когда возникает загадка, возникает вопрос. Если нет вопроса, удивления, «остолбенения», может быть, то никогда не будет и ответа. Александр Миронович, по-моему, сам всю жизнь искал вопросы, умел их формулировать и учил нас этому...

ВГ: Как Вы определяли период истории Китая, которым хотите заниматься?

АП: В те времена мы как-то делились в основном на любителей традиционного Китая и тех, кто интересовался происходящим в современном Китае. Я учился как раз тогда, когда отношения между Советским Союзом и

¹⁵ Григорьев А.М. (1933 г.р., Москва). Окончил исторический факультет МГУ (1956). Д.и.н. (1977). Профессор (1987). Главный редактор журнала «проблемы Дальнего Востока» (1993-2004). Автор более 100 работ.

Китаем находились в самой критической фазе. 1969 год – это события на Даманском. Затем последовали, вплоть до смерти Мао Цзэ-дуна в 1976 году, столкновения на советско-китайской границе. Это риторика, иногда грубая, иногда даже и хамоватая с обеих сторон. И было совсем непонятно, что же происходит на самом деле в этом Китае? Потому что марксистский подход, которому нас учили, не давал ответа на многие вопросы. Почему страна, которая провозгласила строительство социализма, готова воевать со страной уже «победившего» социализма? Это был «вопрос вопросов». Но Китай был закрыт. Материалов, за исключением официальных, практически не было. Однако, нам повезло. Я имею в виду тех, кто учился в то время в семинаре у А. М. Григорьева. Повезло в том смысле, что были некоторые материалы, которые можно было использовать, чтобы глубже понять происходящее в политике Китая. В Институте Дальнего Востока АН СССР были собраны центральные и местные китайские газеты. Но главной особенностью этого фонда в ИДВ была региональная пресса. И у Александра Мироновича родилась гениальная идея: раздать ее для изучения студентам. Я выбрал себе провинцию Хунань, по понятным причинам.

ВГ: Давайте назовём эту причину для непосвященных...

АП: Как известно, Хунань – это родина Мао Цзэ-дуна. Это провинция, в которой служил преемник Мао, будущий руководитель Китая Хуа Го-фэн...¹⁶

Однажды Александр Миронович появился на нашем занятии с огромной сумкой, в которой лежали подшивки китайских региональных газет. И я получил от него стопку «Хунань жи бао», полную трёхлетнюю подшивку за 1966-1969 годы. Все эти публикации собирало наше посольство. Но потом китайцы запретили посольствам получать местную прессу и подписка на неё прекратилась. Григорьев положил газеты на стол и сказал: «Вот, это будут

¹⁶ Хуа Го-фэн 华国锋 (1921-2008). Видный государственный деятель КНР, преемник Мао Цзэ-дуна на посту Председателя Коммунистической партии Китая (1976-1981), занимал также должности Премьера Госсовета КНР (1976-1980) и Председателя Центрального военного совета КНР (1976-1981).

Ваши курсовые работы. Ну, а если напишете толково, то, может быть, и дипломные». Так, на основе именно этих материалов и были потом написаны моя курсовая работа за четвёртый курс и дипломная работа.

ВГ: Ваша дипломная работа, как она называлась?

АП: «Культурная революция» в провинции Хунань, 1966-1969 гг.» По материалам газеты «Хунань жи бао».

ВГ: Ваш рассказ про А. М. Григорьева очень интересен. Но, может, стоит упомянуть и ещё каких-то других преподавателей?

АП: Конечно, конечно! Упомяну нашего харизматичного Михаила Филипповича Юрьева,¹⁷ который заведовал кафедрой истории Китая после Л. В. Симоновской. К сожалению, мне он не читал лекции по новейшей истории Китая. Их читали другие преподаватели. Известный китаевед Владимир Иванович Глунин¹⁸ из ИДВ. Историю после 1949 года, включая период «культурной революции», вёл А. М. Григорьев. Но, при случае, мы все слушали Михаила Филипповича «раскрыв рот». Это были заседания кафедры, выступления на собраниях, конференциях, и каждое из них было блестящим. Кстати, А. М. Григорьев – ученик М. Ф. Юрьева. И я понимаю, почему он был любимым учеником. Оба они были в высшей степени незаурядными учёными и лекторами, совершенно особенные личности. Позвольте, я расскажу один эпизод.

ВГ: Конечно...

АП: Александр Миронович работал в ИДВ, а в ИСАА преподавал на полставки и поэтому иногда опаздывал на лекции. В то время в МГУ это и не приветствовалось, но и не наказывалось жестко. Я помню, как однажды к нам на занятия пришёл Юрьев и спросил, где Александр Миронович.

¹⁷ Юрьев М.Ф. (1918-1990). Китаевед-историк. Д.и.н. (1967), профессор (1969). Окончил исторический факультет МГУ (1941). Участник Великой Отечественной войны. Преподаватель исторического факультета МГУ (с 1950), ИСАА при МГУ (1956-1990).

¹⁸ Глунин В.И. (1924-2004). Китаевед, д. и. н. (1977). Окончил МИВ (1951). Преподаватель МИВ (1952-1954). Научный сотрудник института востоковедения (1955-1964). Научный сотрудник ИДВ РАН с 1966 г.

Студенты ответили молчанием. Когда Юрьев повторил вопрос, я ответил, что Григорьев был где-то внизу, около кафедры. Разгневанный Юрьев спустился вниз, а мы все вышли из аудитории и стали ждать, чем всё это закончится. И тут я вижу, как с портфелем и газетами в руках, идёт Григорьев. Увидев его, Юрьев пришёл в состояние крайнего гнева. С ним это случалось редко, но в гневе он был страшен! Юрьев стал тяжело топтать ногами по скрипучему паркету двухсотлетнего возраста и кричать на весь ИСАА: «Саша! Где ты?!» Но в этом крике проявилось не только раздражение руководителя по поводу опоздания преподавателя, но и «учительская» любовь. Он соскучился по Александру Мироновичу! Когда же Григорьев подошёл и сообщил, что он здесь, Юрьев сразу успокоился, приобнял ученика за плечи: «Ты чего опаздываешь, Саша?! Мне тут с тобой нужно поговорить о важном!...»

ВГ: Замечательный живой эпизод. В какие годы Вы обучались в ИВЯ-ИСАА?

АП: Когда я поступал, то это был ещё ИВЯ. А когда заканчивал в 1973 году, это был уже ИСАА при МГУ.

ВГ: Да, тоже далеко не лучшее время в советско-китайских отношениях... Как Вы трудоустроились после окончания университета? Как удалось найти работу по специальности?

АП: Думаю, Михаил Филиппович решил этот вопрос заранее. Дело в том, что на кафедре истории Китая были некоторые потери. Умерла Э. П. Стужина, и нужны были преподаватели. Юрьев пришёл тогда на один из наших учебных семинаров, где я выступал с докладом. Послушав мой доклад, как потом рассказал мне Александр Миронович, Юрьев сказал: «Этого парня мы и возьмём!» Так это было...

ВГ: И что Вы преподавали потом в ИСАА?

АП: Мне дали новую (период правления династии Цин) и новейшую историю Китая с Октябрьской революции и до 1949 года. Предложили также подумать о спецкурсах. Выбор моего первого спецкурса был очевиден – «культурная революция». Поскольку Стужина занималась проблематикой

цинского Китая, то кроме новейшей истории мне также дали новую историю с XVII века до начала XX века. Это был очень полезный опыт. Потому что понять новейшую историю, не разбираясь в проблемах новой истории, было бы трудно.

ВГ: Таким образом, Выша судьба была предрешена на много лет вперед! Сколько лет Вы отдали преподаванию в ИСАА МГУ?

АП: В 1974 году я начал работу как рядовой преподаватель, а в 1994 году стал профессором Московского университета по кафедре истории Китая. В 1996 году я приехал на Тайвань. Сначала предполагал, что пробуду здесь не больше одного года. Но жизнь складывается по-разному...

ВГ: Выходит, в МГУ Вы проработали 22 года.

АП: Официально я уволился из МГУ в 1998 году.

ВГ: За эти годы Вы воспитали не одно поколение студентов. Наверно, Вам есть что сказать и про Ваших учеников?

АП: Разумеется, у меня учились многие известные китаеведы: Карнеев,¹⁹ Козырев, Карпов, Маслов, Тертицкий,²⁰ Воскресенский-младший,²¹ Крюков-младший.²² Когда я только начинал преподавать я был ненамного старше своих студентов, поэтому отношения были скорее товарищескими. Эти дружеские узы сохраняются вплоть до настоящего времени. Припоминаю, как на одном из первых занятий уже в качестве преподавателя я обратил внимание на молодого человека с буйной шевелюрой, обросшего кудрявыми

¹⁹ *Карнеев Андрей Ниязович* (1964 г.р., Москва). Китаевед, к.и.н. (1996). Окончил ИСАА при МГУ (1987). Заместитель директора ИСАА МГУ (1999-2000 и с 2003). Специалист по новейшей истории Китая.

²⁰ *Тертицкий Константин Маркович* (1965 г.р., Москва). Д.и.н. (2001), профессор (2002). Окончил ИСАА при МГУ (1988). Преподаватель ИСАА при МГУ с 1996. Специалист по новейшей истории Китая.

²¹ *Воскресенский Алексей Дмитриевич* (1960 г.р., Москва). Китаевед-историк, д.полит.н. (1999), профессор МГИМО МИД РФ (с 1999). Специалист по российско-китайским отношениям.

²² *Крюков Василий Михайлович* (1962-2008). Китаевед-историк, д.и.н. (1997). Окончил ИСАА при МГУ (1984). Научный сотрудник ИВ РАН (1987-1997). Доцент Тамканского университета (Тайвань, 1997-2008). Специалист по истории древнего Китая, литературный критик (русская классическая литература).

бакенбардами по тогдашней моде и слушавшего мои рассказы с некоторой долей скептицизма. (Впрочем, сам я выглядел примерно также, и Михаил Филиппович один раз в конце каждого семестра брал с меня обещание аккуратно постричься и урезать баки). Сейчас этот юноша, Александр Панцов²³ – всемирно известный учёный, автор потрясающих книг по истории китайской революции и превосходный преподаватель, правда, читающий свои лекции по-английски, поскольку преподаёт он в Америке). С годами отношение к ученикам меняется, поскольку человек взрослеет, а потом и стареет приобретает не только научный, но в том числе и личный жизненный опыт. Сейчас для меня ученики – как дети, и их любишь всех, хотя, может быть, по-разному. Если вспомнить состав кафедры истории Китая уже после того, как я её покинул, то там продолжали и продолжают работать Андрей Ниязович Карнеев, ныне также замдиректора ИСАА, Виталий Анатольевич Козырев²⁴ – теперь профессор одного из американских университетов. Это Михаил Владимирович Карпов,²⁵ который до сих пор преподаёт, как и Андрей Ниязович. Эти три человека, с которыми у меня сохраняются наиболее тесные профессиональные и дружеские отношения. Прежде всего, конечно, с Михаилом Владимировичем, ярким, оригинальным учёным и верным другом. Я был руководителем их дипломных работ, а потом и диссертаций. Кроме того, надо вспомнить приехавшего совсем недавно на

²³ *Панцов Александр Вадимович* (1955 г.р. Моск. обл.). Китаевед, д.и.н. (1993). Окончил ИСАА при МГУ (1978). Заместитель директора ИСАА при МГУ (1998-1999). Преподаёт в различных университетах США (с 1994). Профессор Капитолийского университета (с 1999). Специалист по истории КПК и советско-китайским отношениям.

²⁴ *Козырев В.А.* Китаевед-историк. К.и.н. Окончил ИСАА при МГУ (1987). Специалист по новейшей истории Китая. Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1988). Доцент Endicott College faculty, Beverly, Massachusetts.

²⁵ *Карпов М.В.* (1967 г.р., Москва). Китаевед-историк. К.и.н. (1995). Окончил ИСАА при МГУ (1987). Преподаватель ИСАА при МГУ (с 1994). Специалист по новейшей истории Китая.

Тайвань Андрея Дмитриевича Дикарёва.²⁶ Когда-то я был руководителем его курсовой, а затем и дипломной работы. Потом судьба распорядилась так, что мы с ним прожили вместе год в одной комнате в общежитии Народного университета Китая в Пекине и не только не разругались, но и поддерживаем самые дружеские связи до настоящего времени.

ВГ: А сейчас он работает в отделе Китая при Институте востоковедения РАН.

АП: Да, он тоже очень известный, профессиональный учёный и близкий друг... Были и другие ученики... Маслов! Алексей Маслов!²⁷ Человек, который потрясает сердца и умы не только на своей исторической родине, в России, но и за её рубежами. Тут я тоже могу рассказать одну историю. Надеюсь, что Алексей на меня не обидится!.. У Алексея были проблемы с китайским языком, которые продолжались на протяжении всех первых трёх лет его учебы в ИСАА. Он пришёл ко мне на 3-м курсе, на котором я читал новую историю Китая. Лёшу (я надеюсь, что могу позволить себе называть его так), тогда уже приговорили к отчислению. Но меня это удивило, потому что в моём семинаре он всегда выступал очень толково. Было видно, что он серьёзно заинтересован тем, чему его обучают на кафедре истории Китая! Главный его интерес был сосредоточен в области китайских боевых искусств, которыми он активно занимался, что было известно. Однажды после занятий, когда все ушли, а Лёша остался, я спросил: «Почему такие проблемы с китайским языком?» Так как ясного ответа я не получил, то сказал следующее: «Лёша, без китайского языка все Ваши занятия ушу, на самом деле, стоят не так уж и много! А вообще, Вы можете показать мне что-нибудь из ушу? А, вот, Вы можете ногой потушить свет в этой аудитории?»

²⁶ Дикарёв А.Д. (1958 г.р., Москва). Китаевед-историк. К.и.н. (1984). Научный сотрудник ИВ РАН (с 1980). Стажёр Китайского народного университета (Пекин, 1984-1985). Специалист по новейшей истории Китая.

²⁷ Маслов Алексей Александрович (1964 г.р., Москва). Китаевед-историк. Д.и.н. (1996), профессор. Окончил ИСАА при МГУ (1986). Научный сотрудник ИДВ РАН (с 1986). Профессор Российского университета дружбы народов (с 1997). Заведующий отделением востоковедения Высшей школы экономики (с 2009).

Алексей слегка покраснел и сказал: «Мне надо разуться!» Он разулся, постоял, сосредоточился и – БАМс! Свет в аудитории погас!.. Надеюсь, что я ничего крамольного тут не сообщил!.. Тогда я сказал, по-моему, так: «Специалисту по ушу я могу порекомендовать такую тему: «Боевые искусства и восстание Ихэтуаней». И он написал замечательную курсовую работу на 3-м курсе. Потом все это вылилось в очень долгий и, мне кажется, плодотворный научный поиск, результатом которого стала докторская диссертация Алексея и многочисленные книги, книжки и брошюры, которые он опубликовал...

Не могу не вспомнить и Игоря Владимировича Моргулова,²⁸ дипломной работой которого мне довелось руководить. Он был одним из наиболее способных студентов из всех тех, с кем пришлось работать за 35 лет моей преподавательской жизни. Его отличали качества, которые редко встретишь у студюозусов – собранность, тщательность и ответственность. Я никогда не слышал от него таких слов, как: «Извините, не успел, в следующий раз, это слишком сложно». Не удивительно, что Игорь сделал блестящую карьеру, став профессиональным дипломатом, и дослужился в МИД, этом весьма престижном ведомстве, до поста заместителя министра иностранных дел Российской Федерации.

Если уж мы заговорили о дипломатах, то как не вспомнить Сергея Николаевича Губарева,²⁹ который тоже у меня учился и с которым мы вновь встретились на нашем острове. Он несколько лет руководил Московско-Тайбэйской комиссией на Тайване, где мы по-настоящему подружились.

²⁸ *Моргулов И.В.* (1961 г.р.). Китаевед. Окончил ИСАА при МГУ (1983). Дипломат, сотрудник МИД РФ (с 1991). Чрезвычайный и Полномочный Посол. Директор Первого департамента Азии МИД РФ (2009-2011). Заместитель министра иностранных дел РФ (с 22.12.2011).

²⁹ *Губарев С.Н.* (1955 г.р.). Китаевед, окончил ИСАА при МГУ. Дипломат, Чрезвычайный и полномочный посланник 1 класса (с 2005). В 2005-2009 глава представительства в Тайбэе Московско-Тайбэйской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству (МТКК). С 2010 Посол по особым поручениям – спецпредставитель МИД России по Молдавии

Профессиональные качества Сергея Николаевича всем известны, а я бы хотел отметить именно редкое умение дружить, стремление помочь, демократизм, открытость и полное отсутствие даже намека на чванство, что нередко случается с людьми, высоко забравшимися по чиновничьей лестнице. Георгий Вениаминович Зиновьев,³⁰ которого я гордостью называю своим другом, – не только одаренный дипломат, но и не менее способный ученый, который успешно совмещает свою профессиональную деятельность с занятиями наукой. Он автор превосходных монографий по внешней политике КНР, к одной из которых я имел честь написать небольшое предисловие, и ныне уже доктор исторических наук. Он проработал на Тайване в Комиссии восемь лет и все эти годы я поддерживал очень близкие отношения с его замечательной семьей, пополнившейся на Тайване после рождения его сына Максима.

Андрей Милов – еще один из моих студентов, о ком нельзя не вспомнить с любовью. Жизнь, как мне кажется, не всегда была справедлива по отношению к нему. Однако способности, настойчивость и порядочность, в конечном счете, приводят к успеху. В настоящее время Андрей – преуспевающий бизнесмен, живущий главным образом в Китае, глава большой и счастливой семьи. Когда он бывает на Тайване, мы встречаемся как близкие люди, и это всегда большая радость. Несмотря на то, что Андрей живет на другом берегу Тайваньского пролива, он находит возможность финансово поддерживать «Русский клуб, Тайвань»³¹ – организацию соотечественников, которую мы создали несколько лет назад на острове.

ВГ: С момента окончания ИСАА и до момента присуждения Вам звания профессора МГУ прошло немало лет, в течение которых Вы вели научный поиск, выбирали темы и защитили сначала кандидатскую, а потом докторскую диссертации. Как Вы выбирали темы для диссертаций, и какие

³⁰ *Зиновьев Г.В.* Китаевед, к.и.н. Дипломат. В 2009-2012 старший советник Посольства России в КНР. Сотрудник Первого Департамента Азии МИД РФ

³¹ Русский клуб, Тайвань. Официальный сайт: <http://www.russiaclub.tw>

проблемы приходилось решать в процессе работы над ними? Как Вы продвигались в процессе научных исследований от одной темы к другой?

АП: Очень хороший вопрос. После того, как я защитил диплом по теме «культурная революция», я не то чтобы исчерпал интерес к современному Китаю, но столкнулся с определёнными проблемами, прежде всего, нехваткой материалов, все темы были идеологизированы. Поэтому мне показалось необходимым чуть дистанцироваться от самого современного Китая и заняться какими-то более глубокими вещами. Интересовала меня, конечно, история китайской революции, поскольку это было предысторией того, чем я занимался на последних курсах университета. В истории китайской революции было, а, может быть, и сейчас есть несколько проблем, которые заслуживают внимания исследователя. Это политическая история, а также социальная история революции, которая в то советское время распадалась на историю рабочего движения в Китае и историю китайского крестьянства. Мне казалось тогда, и сейчас я думаю также, что мой выбор в пользу истории китайского крестьянства и его роли в китайской революции, был правильным.

ВГ: Скажем просто, что Китай был крестьянской страной.

АП: Вот именно. Каким образом пришла к победе революция в этой абсолютно крестьянской стране? Причем, так называемая социалистическая революция. Поскольку по периоду правления КПК (с 1949 г.) эта тематика изучалась уже достаточно долго, были определённые наработки и схемы, мы с Александром Мироновичем посоветовались и пришли к выводу: быть может, стоит посмотреть на эту проблему не с точки зрения опыта КПК, а с точки зрения Гоминьдана. Таких работ тогда в нашей историографии не было.

ВГ: По КПК в то время уже выходили работы Л. П. Делюсина³² и других коллег...

³² Делюсин Л.П. (1923 г.р., Москва). Китаевед, д. и. н. (1971). Научный сотрудник и заведующий отделом Китая ИВ АН СССР (1967-1990). Интервью с Л.П. Делюсиным для

АП: Да. Была классическая работа Делюсина о крестьянстве в китайской революции 1924-1927 годов.³³ Появились новаторские работы Мугрузина А. С.,³⁴ касавшиеся крестьянства, КПК и аграрных отношений в Китае в 20-40-х годах XX в. Сам Григорьев тоже отдавал должное этой теме. А, вот, Гоминьданом никто не занимался! Это была новая тема для меня и для отечественного китаеведения. Гоминьданом в то время углублённо интересовался один учёный – Арлен Ваагович Меликсетов.³⁵ Изучением рабочего движения занимался тоже всего лишь один специалист – В.И. Хорьков,³⁶ который в своей небольшой монографии как бы исчерпал эту тему. А, вот, каково было взаимодействие между Гоминьданом и крестьянством – таких исследований в нашей историографии в то время было мало. Поэтому я и занялся этой темой, которая стала темой моей кандидатской диссертации. Диссертацию я защитил в 1979 году, через пять лет после поступления в 1974 году на кафедру и в заочную аспирантуру.

ВГ: Защита Вашей диссертации прошла нормально?

АП: Да! Мне всегда казалось, что защита и студенческих работ, и кандидатских, и докторских диссертаций должна происходить «весело». Иначе говоря, должно быть какое-то обсуждение. Мне кажется, в этом смысле моя защита прошла неплохо, я стал кандидатом исторических наук. И

проекта «Китаеведение – устная история» см. по ссылкам: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php> и <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

³³ Видимо, имеется в виду работа: Делюсин Л.П. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921-1928). – М.: Наука, 1972. 464 с.

³⁴ Мугрузин Анатолий Сергеевич (1925-2000). Китаевед, д.э.н. (1988). Окончил МИВ (1948). Научный сотрудник института китаеведения (1956-1961), института востоковедения (1961-1967), института Дальнего Востока (1967-2000) РАН. Специалист по аграрным отношениям в Китае в новое и новейшее время.

³⁵ Меликсетов Арлен Ваагович (1930-2006). Китаевед-историк. Окончил исторический факультет МГУ (1956). Д.и.н. (1976). Профессор (1976). Научный сотрудник Института китаеведения (1956-1960). Преподаватель МГИМО МИД СССР (1960-1989). Директор ИСАА при МГУ (1989-1994). Главный редактор журнала «Китаеведение» (с 2000).

³⁶ Хорьков Виктор Иванович (1922 г.р., Москва). Китаевед, к.и.н. (1974). Окончили МИВ (1954). Научный сотрудник Института востоковедения (1958-1963), Института Дальнего Востока (1963-1967), ИМРД (с 1967). Автор работы: Хорьков В.И. Нанкинский Гоминьдан и рабочий вопрос: 1927-1932. – М.: Наука, 1977.

после этого нужно было думать, что делать дальше. Работая над темой крестьянства и Гоминьдана, я понял, что существовавшие у нас в то время схемы, основанные на опыте русской революции и ленинском варианте марксизма, который делал феодализм неизбежным этапом развития всех обществ, наряду с капитализмом, социализмом и коммунизмом, к Китаю не слишком применимы. И здесь, конечно, большое влияние на меня оказали работы Мугрузина А. С. Главный вывод из моих собственных поисков и исследований состоял в том, что не было в Китае главного, что отличает феодализм от «не-феодализма». Не было феодального класса помещиков, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но если не было этого класса, то возникал другой вопрос: каким образом китайская революция пришла к победе? Российская революция – понятное дело: крестьянству отдали помещичьи земли. Или согласились с захватом крестьянами помещичьих земель. Но если в Китае было нечего захватывать?

ВГ: И не у кого захватывать, раз не было и помещиков!

АП: Да. Поэтому, каким образом китайская революция, как «аграрная революция» пришла к победе? В итоге я понял, что от Гоминьдана нужно снова возвращаться к КПК. Потому что именно КПК делала аграрную реформу и считала эту реформу главным залогом своих политических, военных и прочих побед. По этой теме тоже нужно было искать материалы. И здесь очень помогли две мои стажировки в Китае, во время которых удалось найти материалы «служебного пользования», посвященные периоду антияпонской войны. Причём эти материалы и до сих пор остаются уникальными. Некоторые из них – это просто запись, стенограмма того, что происходило в той или иной деревне в этот очень сложный период китайской истории. Вот, таким образом и возникла тема моей докторской диссертации, которую я защитил в 1993 году.

ВГ: Как она звучала?

АП: Звучала эта тема очень просто: «Китайские коммунисты и крестьянство, 20-40-е гг. XX в.»

ВГ: Но ведь Гоминьдан тоже проводил аграрные реформы в материковом Китае. А после 1949 года провёл и на Тайване, кстати, вполне успешно!

АП: Ну, как мне казалось тогда, эту тему я исчерпал в своей небольшой монографии по теме Гоминьдана, изданной 1986 году на основе доработанных материалов диссертации.³⁷ А моя докторская диссертация до сих пор не опубликована, хотя 20 лет прошло уже с тех пор!.. Поэтому если Вы спросите меня, чем я занимаюсь сейчас и собираюсь заниматься в будущем, то одно из направлений – это завершить свои исследования по истории китайского крестьянства на опыте китайской революции.

ВГ: Хотелось бы продолжить разговор про Ваших коллег. Многие годы Вашим старшим коллегой и в каком-то смысле наставником был Арлен Ваагович Меликсетов, работавший директором ИСАА, а потом заведующим кафедрой истории Китая ИСАА. Что Вы можете сказать о профессоре Меликсетове, как человеке и китаеведе?

АП: Я полагаю, что это выдающийся учёный-китаевед. Один из самых смелых теоретиков, которых я встречал в своей жизни. Не надо забывать, что любые общественные науки, в том числе исследования по современному Китаю были вещью глубоко идеологизированной. Я уже говорил, что тут работали очень жёсткие схемы. Например, «ленинская» схема прихода КПК к власти на основе аграрной революции. Гоминьдан рассматривался в рамках этой схемы как сила реакционная для Китая, а КПК – как прогрессивная сила, которая движет Китай к модернизации. Но Арлен Ваагович не боялся и ломал все эти схемы «прилюдно». Делал он это и с опорой на фактический материал и, главное, на здравый смысл, на по-настоящему сильную историческую логику. То есть, это был человек, который сделал всё, чтобы

³⁷ Писарев А.А. Гоминьдан и аграрно-крестьянский вопрос в Китае в 20-30 гг. XX в. – М.: Наука, 1986. 225 с.

сломать наши косные стереотипы и построить на их основе что-то другое. Собственно, тот учебник,³⁸ который мы опубликовали, мне кажется, стал достойным завершением такого подхода.

ВГ: Кстати, помимо науки Вы также многие годы занимались учебно-методической работой, одним из важных итогов которой и стало появление упомянутого учебника «История Китая». Насколько я знаю, это по-своему уникальный учебник, доведенный по времени до конца 20 века.

АП: Да. Был, правда, изданный в 1974 году учебник «История Китая с древнейших времён до наших дней»³⁹, по которому учился и я сам. Но концептуально тот учебник был построен на уже упомянутой марксистской схеме (от рабства до коммунизма), которая, как мне кажется, неприложима и не соответствует реальному ходу истории Китая. Китай был особым обществом, непохожим на общества европейского типа. Феодализма в Китае, в европейском смысле, конечно, не было. Развитие шло совершенно иным путём. Существуют разные концепции исторического развития Китая. В этом учебнике мы придерживаемся концепции циклов социально-экономического развития, с разрывом между цикличностью в сфере социально-экономических институтов и нецикличностью в развитии культуры, идеологии, и так далее. Поэтому вся история Китая в этом смысле состоит, в сущности, из двух этапов. Это традиционный Китай до «опиумных войн», без европейского типа «античности», без раннего, развитого и позднего феодализма, без ростков капитализма. И Китай, модернизирующийся под влиянием «шока», вызванного вторжением иностранных держав. Иначе говоря, традиционный Китай и Китай, пытающийся осознать и восстановить себя на иной основе. История китайского национализма в хорошем смысле этого слова.

³⁸ История Китая. Учебник. Под редакцией А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. 736 с.

³⁹ История Китая с древнейших времён до наших дней. Ответственные редакторы: Симоновская Л.В., Юрьев М.Ф. – М.: Наука, 1974. 534 с.

ВГ: Как отреагировала на такой подход учёная общественность? Было ли обсуждение вашего учебника?

АП: Было обсуждение в ИДВ. Тогда мне не показалось, что этому взгляду можно противопоставить что-либо концептуальное. Кто-то не очень понял. Кто-то не был готов согласиться по той причине, что исходил в своих научных изысканиях из концепции позднего феодализма в Китае и, вдруг, выясняется, что позднего феодализма не было. В общем, какой-то, что называется, организованной оппозиции в отношении нашей концепции не возникло, и её нет до сих пор. Конечно, жаль, что мы остановили работу над этим учебником! Потому что история Китая продолжается. И, как мне кажется, наша общая концепция объясняет происходящее в современном Китае и подтверждается, а не противоречит этому. Можно было бы, конечно, поработать над деталями и фактами. Когда пишется большая работа с участием многих авторов, ошибки в какой-то мере неизбежны. Хотя они непростительны. Можно было бы проследить, что происходит в Китае после того, как я написал последнюю часть учебника. А это уже почти десять лет назад! За это время Китай стал второй экономикой мира...

ВГ: В каком году вышел ваш учебник? Переиздавался ли он?

АП: Первым изданием он вышел в 1999 году. А потом было переиздание в 2002 году. Уже десять лет прошло! Поэтому и тут можно продолжать работу. Но, к сожалению, не стало Арлена Вааговича, который вложил столько души и сил в этот учебник, был его движущей силой, «отцом» проекта.

ВГ: Как изменились Ваши научные интересы за двадцать лет, минувшие с момента защиты докторской диссертации? К чему Вы пришли, чем занимаетесь сейчас?

АП: Я всё ещё не дошёл до конца свои исследования по истории китайского крестьянства. Когда это произойдёт, я смогу сказать себе, что этот период моей научной работы завершился. Это не значит, конечно, что я не занимаюсь научными исследованиями. В последние годы мне очень

интересна история советско-китайских отношений. Главным образом в период с 1917 до 1949 года. Здесь есть абсолютно «белые пятна». Например, советско-китайский конфликт 1929 года на КВЖД. Я написал на эту тему несколько пространных статей и докладов, которые представлял на международных конференциях. Часть этих материалов я включил в главу «Советский Союз и Китайская Республика в 1917-1949 годы», написанной для коллективной монографии. Кстати, это будет первая в нашей историографии книжка, охватывающая историю российско-китайских отношений с 17 века, вплоть до «вчера». Как мне сказали, она должна выйти к концу 2012 года. Но поскольку это только глава, пусть даже большая, и тут особенно не «разбежишься», через некоторое время я думаю превратить эту главу во что-то самостоятельное. Ну, и поскольку я нахожусь на Тайване, меня, конечно, интересует и история Тайваня...

ВГ: Вы изучали разные темы и периоды в истории Китая. Какую тему Вы считаете для себя самой главной и самой важной? Что Вы считаете своим главным научным достижением?

АП: Самой важной для себя темой я считаю, так сказать, социальные и экономические институты традиционного и «полутрадиционного» Китая. Потому что понять проблемы крестьянства в китайской революции невозможно без понимания традиционного Китая. То, что мне удалось сделать для себя, сформулировать, как я надеюсь, свою концепцию, – это я и считаю своим главным научным достижением. Я не уверен, что мне удастся выйти в оставшиеся годы на ещё одну, столь же крупную проблему. Есть и другие вещи, которые меня тоже интересуют! Но всё же, нужно завершить прежние исследования. И результатом должна стать «здоровая» (большая) книга.

ВГ: Это логично. Поэтому мы тоже будем ждать, когда Ваша обещанная работа завершится.

АП: Спасибо!

ВГ: Никто из китаеведов не может считать себя таковым, пока не состоится его первая встреча с Китаем. Когда Вы впервые побывали в Китае, как произошла эта встреча, какие оставила воспоминания?

АП: Действительно, считать себя китаеведом, не побывав в Китае, нельзя. Скажу совершенно откровенно, после окончания ИСАА, после начала преподавательской карьеры, я смотрел на это дело очень печально. Я полагал, что, скорее всего, мне никогда не удастся побывать в Китае. Тем не менее, все в жизни меняется. Много изменилось в Китае после смерти Мао Цзэ-дуна. Что-то стало меняться в Советском Союзе. И, вот, к 1983 году в отношениях между нашими странами стали заметны некоторые улучшения. Так я первый раз попал в Китай и это произошло в 1984 году. Это была вторая группа советских китаеведов, которая выехала в Китай после более чем 20-летнегоперерыва. Конечно, я страшно волновался, проходя через все «тернии» системы, которая называлась «оформление выезда», документов на выезд. Это включало рекомендацию кафедры, выездную комиссию при партбюро ИСАА, выездную комиссию при парткоме МГУ и, наконец, даже вызов в ЦК КПСС. Можете представить себе, всех выезжавших за границу стажеров со всего Советского Союза собирали тогда для инструктажа в международном отделе ЦК КПСС, где нам читали документ о правилах поведения советских граждан за границей. Не могу сказать, что это был слишком уж страшноватый документ, но там были некоторые, весьма противоречивые пункты. К примеру, советским гражданам, если они путешествовали по железной дороге или морем, не разрешалось находиться в двухместной каюте с иностранным гражданином противоположного пола. Было и такое! Ну, собирающиеся за границу шутили: если я сел на корабль, корабль отплыл, я занял своё место в двухместной каюте. И, вдруг, в каюту входит очаровательная дама! Я не могу требовать, чтобы корабль вернулся. Значит, единственный способ сохранить в неприкосновенности свою партийную совесть, это просто выброситься в открытое море. В общем, было

много волнений, связанных с той поездкой. Но я очень хорошо помню тот день, когда мы все собрались в Шереметьево, сели в самолёт. И самолёт, разбежавшись, взлетел в небо. Когда мы подлетали к Китаю, вдруг, раздались крики: «Великая китайская стена!» Самолёт накренился, и я тоже увидел то, о чём читал по теме «Великая китайская стена в эпоху правления династии Цинь». Мы долетели до Пекина. Я помню, как увидел из окна иллюминатора уже такой близкий Китай. И мне сразу показалось, что там очень жарко! Был сентябрь, дул сухой и горячий ветер. Работники аэропорта, все как один, были одеты в хлопчатобумажные куртки-«суньятсеновки», брюки зеленого цвета и матерчатые тапочки. Помню, как ветер раздувал их штанины. И это было моё первое впечатление от самого настоящего Китая и китайцев. Потом дверь самолёта раскрылась, и поток горячего, обжигающего воздуха ворвался, вдруг, в салон самолёта, и я понял, что – да! – я уже в Китае!..

ВГ: Где проходила Ваша стажировка?

АП: Мы в большинстве своём стажировались в Пекине. Я стажировался в Народном университете - «Жэньминь дасюэ», который расположен недалеко от гостиницы «Дружба» 友谊饭店, построенной в 1950-е годы по советскому проекту для советских специалистов. И выглядела она просто как маленький слепок со здания Московского университета на Ленинских горах. В общем, приехали мы и разместились. Условия проживания, должен сказать, были более чем скромными. Жили мы по двое в комнате с цементными полами. Коридоры были тоже цементные. Весь умывальный комплекс – один на этаж. Что меня поразило – так это битые куски цемента в туалете. Отколотые куски бетона от перегородок, которые висели на арматуре. Никто даже не удосужился не только отремонтировать, но и закрепить их. Потом мне объяснили, что во время «культурной революции» там были беспорядки, и это следы тех времен. Хотя со времени «культурной революции» прошло уже почти десять лет... Когда наступили холода, а в Пекине зимой бывает очень

холодно, то выяснилось, что отопление работает три раза в сутки: по-моему, с 9 до 12 вечера, с 6 до 8 утра и с 11:30 до часу дня – в китайский обед. В общем, было холодновато. Но не это было для меня самым главным шоковым ощущением. Главным шоком было то, что на протяжении 10 лет после окончания Московского университета я читал китайские книги, газеты, стремился работать с первоисточниками и учил этому своих студентов. Но когда первый попавшийся китаец открыл рот, я ничего не понял! А то, что я сказал ему в ответ, судя по всему, не понял и он. И это был действительно самый настоящий ШОК! Поскольку это дело давнее, могу сказать, что именно не сложившиеся по началу отношения с живым китайским языком стали причиной того, что у меня очень скоро, примерно через месяц, открылась язва желудка. И это была очень серьёзная ситуация, даже рассматривался вопрос о моём досрочном возвращении на дом, чего я, разумеется, никак не хотел. Но потом мой сосед по комнате Андрей Дмитриевич Дикарёв, о котором я уже упоминал, можно сказать, меня преданно и терпеливо выхаживал. Вот. Выходили! А после этого и отношения с китайским языком стали улучшаться, и появились китайские друзья, коллеги и профессора, которые посвящали беседам со мной много времени. И жизнь, конечно, наладилась...

ВГ: Ваши первоначальные отношения с китайским языком теперь понятны. А отношения с китайской кухней – они были таким же сложными? Как Вы питались вообще в то время?

АП: В нашем общежитии была столовая. А китайская кухня, конечно, нравится!.. Моё первое знакомство с китайской кухней состоялось ещё до приезда в Китай. Как я вспоминаю, мы праздновали день рождения Михаила Филипповича Юрьева, который пригласил всех сотрудников кафедры в московский ресторан «Пекин». Там, в Москве, и состоялось моё первое знакомство с китайской кухней. Мне всё понравилось, особенно, помнится, понравились «цзяоцзы» (пельмени). Конечно, китайская кухня сильно

отличается от русской. Нет хлеба, нет масла и сыра. А есть рис, разные виды поджаренного в китайском котле мяса и овощей. В Китае я очень быстро ко всему этому привык, мне всё очень понравилось. Но почему произошла эта история с язвой? Однажды мы пошли в какой-то ресторан, где было, видимо, какое-то не то масло. Там я с удовольствием уплетал то, что ел вместе с Вами сегодня – «гулао жоу» и, очевидно, перестарался. Тем не менее, с китайской кухней вообще никаких проблем у меня не было. И, думаю, ни у кого их быть не может. Потому что китайская кухня настолько разнообразна, что каждый может найти что-то по вкусу.

ВГ: Вы живете на Тайване уже 15 лет, и китайская кухня уже давно стала для Вас повседневной. И всё же, есть ли у Вас любимое китайское блюдо?

АП: Конечно есть, но не одно. Это всё равно, что спрашивать: есть ли у Вас одна любимая книга? Например, сегодня, кроме жареного «гулао жоу» (на Тайване оно абсолютно безопасно), мы с Вами ели ещё и очень вкусное тушёное мясо «хуншао жоу»...

ВГ: Тогда позвольте спросить иначе: каким было самое экзотичное блюдо китайской кухни, которое Вам довелось попробовать за все годы жизни в Китае и на Тайване?

АП: Доводилось пробовать разное: и змей, и лягушек, и действительно экзотические морепродукты, однако одним из самых своеобразных блюд я продолжаю считать «чоу доуфу» (зловонный соевый сыр). Его специфический запах способен вызвать потерю аппетита у того, кто не привычен к экзотической стороне китайской кухни.

ВГ: Часто ли Вы бывали в Китае в прошлом? И часто ли Вы бываете в материковом Китае после того, как стали жить и работать на Тайване?

АП: Часто, конечно. Я поддерживаю тесные отношения с китайскими коллегами. На протяжении последних лет я, как минимум, раз в два года бываю в Шанхае. Как член научной делегации Тамканского университета участвую там в конференции по отношениям между двумя берегами

Тайваньского пролива. Помимо этого в Китае за эти годы были и другие международные конференции, в которых я принимал участие. Только в 2011 году я был там 5 раз.

ВГ: Какой круг вопросов приходится рассматривать во время таких конференций? Думаю, на Тайване и в Китае Вас нередко воспринимают не только как китаеведа, но и как эксперта по России? И Вам приходится как-то соответствовать этим ожиданиям...

АП: Да. Поскольку я работаю в институте Европы, в подразделении, которое связано с изучением России, то здесь я, прежде всего, отвечаю за вопросы, связанные с социальным, политическим и историческим развитием России. Поэтому в некоторых конференциях я принимаю участие как специалист по России, а в некоторых – как китаевед. И трудно сказать, чего больше. Как мне кажется, выходит примерно пополам. Есть ещё и «пограничные» темы. Это русско-китайские или советско-китайские отношения, которые относятся к обеим странам.

ВГ: Приходится, наверно, постоянно следить и за российско-тайваньскими отношениями?

АП: Да. Приходится следить за российско-тайваньскими отношениями, отношениями между двумя берегами Тайваньского пролива, вопросами развития России и Китая. В общем, за разными проблемами.

ВГ: Шестнадцать лет назад Вы уехали из России на Тайвань. Помимо профессионального интереса это, видимо, было во многом связано с плачевным состоянием российского китаеведения в те «лихие» годы. Как Вы оцениваете состояние китаеведения в России тогда и сейчас?

АП: Когда я уезжал, все те блестящие научные кадры, которые были подготовлены и работали в советскую эпоху, ещё действовали. Но за последние 16 лет, к сожалению, Россия утрачивает свой статус одного из наиболее активных и серьёзных центров мирового китаеведения. Для меня это очевидно. Причины тоже очевидны. Молодёжь не идет в науку и

преподавание. Потому что зарплата доцента в ИСАА МГУ – 18 тысяч рублей. На эту зарплату человек может прожить? Поэтому люди зарабатывают деньги «не стороне». Но тогда у них не хватает времени на научную работу. Или люди уходят из области преподавания и науки, начинают просто зарабатывать на жизнь. И упрекнуть их в этом нельзя... Мне кажется, это один из очень серьёзных просчётов российской власти, которая любит говорить о поддержке науки и образования, но, по-моему, делает для этого крайне мало...

ВГ: Если вспомнить о так называемых «отношениях равноправного стратегического партнёрства» между Россией и Китаем, то, как можно осуществлять это партнёрство не вкладывая силы и средства в создание основы основ – человеческий ресурс, в подготовку китаеведов?

АП: Ну, я могу сказать следующее. Задачу идеологического обеспечения партнёрства Китай может решить и самостоятельно. За последние 15-20 лет Китай превратился в один из наиболее важных центров изучения России. После падения СССР российские исследования на Западе, в Европе и Америке, явно пошли вниз. А в Китае они находятся на подъёме! Но тут возникает такой вопрос. Если изучение «стратегического партнёрства» и всего того, что ему предшествовало в наших отношениях, будет осуществляться китайскими коллегами, то какими будут выводы?

ВГ: Думаю, тоже китайскими. И тут мы оказываемся в заведомо проигрышном положении...

АП: В зависимом! Уже и идеологически, и научно. То есть, Россия выступает здесь уже в качестве младшего партнёра и «младшего брата».

ВГ: В отличие от России, в последние годы Китай становится не только центром «россиеведения», но и ведущим мировым центром изучения самого Китая, китаеведения или синологии. Если раньше этот центр находился в Европе или Америке, то теперь он стремительно смещается в пределы Китая.

АП: Точно так же, как Китай стягивает к себе всю существующую в мире технологическую информацию и трансформирует в действующие технологии, можно сказать, происходит и с гуманитарным знанием.

ВГ: Ну, а мы снова оказываемся в роли догоняющих. Интересно, что даже наш проект «Китаеведение – устная история», который успешно ведется уже четыре года, был инициирован китайской стороной. Сначала приглашение к участию поступило из Тайваня, а теперь всё более мощную поддержку этого проекта начинает оказывать материковый Китай, в лице ведущих университетов страны и Китайской академии общественных наук (КАОН).

АП: Что я могу сказать? Большое спасибо КАОН и ЦК КПК, которые заботятся о российском китаеведении!

ВГ: Если вернуться к российско-китайским отношениям стратегического партнёрства. Не кажется ли Вам, что «стратегическое партнёрство» может в какой-то момент перерасти в «стратегическое соперничество»? Тема соперничества и даже «китайской угрозы» регулярно всплывает в некоторых российских СМИ.

АП: Я не очень верю в возможность «стратегического соперничества». Потому что соперничество основано на силе. А когда силы нет, то соперничать трудно. Ясно, что, несмотря на очевидные положительные изменения, которые произошли в российской экономике, России, при её современном международном статусе, не под силу тягаться с Китаем. И нужды-то в этом нет, на самом деле. Поэтому соперничество в будущем я исключаю. России соперничать с Китаем не по силам.

ВГ: Тогда как будут развиваться эти отношения?

АП: Каковы будут эти отношения? Здесь, наверно, имеется как минимум два более или менее очевидных варианта. Это отношения равноправного партнёрства. Как раз то, что сейчас подчёркивают обе стороны. Либо же отношения младшего и старшего брата, младшего и старшего партнёра. Вот это последнее обстоятельство, как мне кажется, просматривается в

российско-китайских отношениях уже сейчас. Что можно этому противопоставить? Это сам собой напрашивающийся вопрос. Поскольку Россия не может противопоставить экономическую и военную мощь, то, наверно, она может делать ставку на внешнюю политику, которая каким-то образом сможет компенсировать или даже превратить в некоторое преимущество то, чего сейчас нет в России. Иначе говоря, мне кажется, что России нужна более сбалансированная внешняя политика. В том, что я вижу сейчас, я обнаруживаю слишком сильный крен на Восток. При этом сам Восток не так уж и опирается на «российский вектор». Китайцы, как мне кажется, проводят очень тонкую и в достаточной мере сбалансированную политику. А внешняя политика России на протяжении последних 20 лет – это циклы. Дружим с Западом – забыли о Востоке. Стараемся придерживаться сбалансированного курса, но это не получается. В итоге, дружим Востоком, забывая про Запад. Мне кажется, с точки зрения не столько методов, сколько концепции внешней политики, России нужна более сбалансированная позиция, которая сделает отношения с Китаем более здоровыми. В любом случае, у России нет альтернативы поддержанию партнёрских и добрососедских отношений с Китаем. Полагаю, что и у Китая другой альтернативы нет. По крайней мере, в последние 16 лет Китай проводит в отношении России очень сдержанную политику и не пытается открыто использовать те преимущества, которыми он обладает в настоящее время.

ВГ: Позвольте обратиться к Тайваню. В январе 2012 года на острове прошли выборы президента. И все эти выборы строились вокруг одного вопроса: каким должно быть будущее Тайваня? Проще говоря, с Китаем или отдельно от Китая? Как Вы думаете, каким должен быть ответ на этот вопрос? Как сделать, чтобы на Тайване было всё и всем хорошо?

АП: Думаю, что для того, чтобы на Тайване было «всё хорошо», нужно придерживаться политики поддержания «статус кво». Это как раз то, что нынешний президент Ма Ин-цзю выразил в формуле «трех не»: не

объединяться, не провозглашать независимость, не применять военную силу 不同不獨不武 (бу тун, бу ду, бу у). Ясно, что поддержание «статус кво» не отвечает политическим целям КНР, которая хочет видеть Тайвань в качестве провинции, лишь в той или иной форме автономной от Китая. При том обязательном условии, что внешняя политика должна определяться Пекином, а не Тайбэем. Поэтому речь во многом идёт о том, насколько хватит терпения в Пекине, когда в Тайбэе говорят про «статус кво».

ВГ: Но как может внешняя политика Тайбэя определяться Пекином, если самих тайваньцев это никак не устраивает?

АП: Конечно, вот я и говорю об этом. Что на такой вариант превращения Тайваня в ещё один Гонконг не пойдёт ни один политический лидер, ни одна политическая партия на острове. Поэтому на Тайване этот вопрос и сформулирован так: поддержание «статус кво», что означает укрепление культурных, экономических, образовательных связей. Но без заключения соглашения о формальном объединении двух берегов. Как мне кажется, в настоящее время действующее руководство КНР придерживается сдержанной позиции. Они не говорят о так называемом графике объединения. Они говорят, что объединение требует политической мудрости, усилий, и т. д. Но насколько хватит политического терпения и мудрости? На 10, 20, 30 лет? Поэтому задача руководства Тайваня состоит в том, чтобы обосновать и убедить руководство КНР в том, что поддержание «статус кво» это гораздо более конструктивная вещь, чем обострение отношений между двумя берегами. А руководству КНР нужно, очевидно запастись терпением, понимая, что усиление экономических и прочих связей между берегами Пролива, в сущности, играет на руку Пекину.

ВГ: Тут многое будет зависеть от изменений и на Тайване, и в КНР. Как Вы считаете, насколько изменился материковый Китай за последнюю, скажем, пару десятилетий?

АП: Изменился фантастически. В это невозможно было поверить! Когда я в 1985 году гулял по улицам Пекина, толпа летом была одета в абсолютно одинаковые одежды зелёного цвета. А зимой это были абсолютно идентичные одежды синего цвета. Я помню, в каком-то из парков Пекина, вдруг, вся толпа стала смотреть в одну сторону. Я тоже посмотрел и увидел парочку – молодой человек и девушка. Девушка была одета как-то не очень особенно. А молодой человек был одет в красную рубашку и джинсы. И вокруг него толпа ходила просто кругами. Хотя в 1985 году уже можно было купить в обычном китайском магазине и джинсы, и красные рубашки. Но народ как-то не позволял себе этого. А теперь, как вы знаете, по уровню потребительских расходов Китай уступает только США или Японии. И каждый раз, приезжая в Китай, я это вижу! Иногда в Китае идёшь в какой-нибудь ресторан и думаешь, это блюдо заказать или какое-то другое подешевле. А тут входят юноша с девушкой, и молодой человек заказывает ужин, явно не глядя на цены. То есть, жизнь изменилась. Появился китайский средний класс. Это состоятельные люди, которые не думают о том, сколько стоит это блюдо. И живут достаточно широко. Тут я могу рассказать одну поучительную историю. На острове Хайнань, в городе Санья, у меня есть один друг-китаец, который помогал мне решать некоторые бытовые проблемы. Он основал свою фирму, в которой сначала занимался местным туризмом. Потом он стал арендовать и передавать квартиры клиентам, приезжавшим по контакту с турфирмами. Выполнял всю работу сам. Вместе с женой обслуживал и убирал квартиры. Через два года, когда я прилетел в Санья, он приехал на встречу на огромной машине «Вольво». Я сел в машину и спросил, не арендовал ли он эту машину по случаю моего приезда? Он ответил, что купил эту машину, потому что ему уже 50 лет, и он должен ездить на хорошей машине. И это лишь один маленький пример...

ВГ: Да, китайцы уже не те, и Китай уже не тот.

АП: Абсолютно! Но, вот, куда это должно вывести Китай?

ВГ: Действительно, каково будущее Китая?

АП: Я думаю, размышления о будущем Китая, это вопросы чисто философские. Всё гораздо сложнее, чем «Запад – анти-Запад». Если посмотреть, что происходит в мире: антиавторитарные и, казалось бы, демократические революции в арабских странах и одновременно антикапиталистическую революцию, которая, по сути, началась в странах Запада. В этой ситуации Китай, где никто не выходит на улицу с лозунгом «Захватить Чжуннаньхай!», выглядит, с точки зрения некоторых серьёзных исследователей, как некая альтернатива западной цивилизации, западному пути развития. И как к этому относиться? Я – человек взглядов либеральных и их не скрываю. Может, это и упрощение, но мне кажется, что, в конечном счете, всё упирается в свободу и несвободу. Ну, и можно говорить о каких-то степенях свободы/несвободы. Мне кажется, Китай придёт к собственной форме не несвободы, как сейчас, а к своей форме свободы.

ВГ: Как опытному учёному и профессору Вам приходится много ездить по миру и общаться с иностранными коллегами-синологами. Как Вы представляете себе особенности развития, скажем, европейского китаеведения, в отличие от американского или российского. Кстати, есть же китаеведение и в других странах-соседях Китая: вьетнамское, индийское, корейское и японское...

АП: Да. Вопрос, однако, тут не столько в коллегах, сколько в том, как выглядят с точки зрения мировой науки различные национальные школы китаеведения. Думаю, в советское время Европа всегда учитывалась. Но с точки зрения мирового китаеведения Европа выглядела как-то провинциально. Потому что в СССР, так или иначе, китаеведением занимались 5 тысяч человек. Они изучали, всё и со всех сторон, начиная от древности и кончая современностью. То же самое можно было сказать и об американском китаеведении. В европейском же китаеведении этого не было, и нет. У европейских национальных школ никогда не хватало научных сил,

чтобы изучать Китай столь широким фронтом. Поэтому они неизбежно выглядели несколько провинциально. Это не значит, что в Европе не было выдающихся учёных, не было замечательных книг по Китаю... После распада СССР бывшее советское китаеведение пришло в состояние упадка. Но европейское китаеведение не заняло его место, не превратилось во что-то сопоставимое с американским. В Америке же бум китайских исследований продолжается по понятным для всех причинам. Хотя сегодня изменились основные направления синологических штудий, всё больше и больше людей изучают китайский язык, древний и современный Китай.

ВГ: В начале 2012 года Вас пригласили в Венецию, читать лекции итальянским студентам. Итальянское китаеведение Вы знаете уже давно и не понаслышке. Как, например, развивается китаеведение в Италии? Чем занимаются итальянские синологи, взятые вместе или по отдельности?

АП: Я получил приглашение поехать в Венецианский университет, где имею несколько очень хороших друзей и одновременно известных итальянских учёных. Профессор Скарпари в этом университете занимается древнекитайским языком и культурой. Преподаёт то и другое студентам. Одна из его статей по вопросам преподавания китайского языка, которую я как-то прочёл, называлась так: «Преподавание вэньяня массам». Почему массам? Потому что у него в курсе числятся несколько сотен студентов. И всем им он должен преподавать древнекитайский язык. Профессор Самарани – тоже известный и авторитетный учёный, специалист по современному Китаю, Китаю в XX веке. На этом же факультете восточных языков есть ещё несколько очень хороших специалистов по культуре и языку. Но если мы посмотрим на национальную китаеведческую традицию, школу, то мы увидим здесь всплеск интереса то к одним проблемам, то к другим. Появляются любопытные исследования. Но это не тот уровень, который был в своё время характерен для китаеведения в СССР и, тем более, тогда и сегодня в Соединённых Штатах.

ВГ: Если взять современное российское китаеведение, какие научные проблемы заслуживают сегодня большего, даже приоритетного внимания, но не пользуются вниманием исследователей?

АП: Приоритетность может быть разной: с точки зрения политических элит, отношений между странами или чистой науки. С точки зрения отношений между странами, конечно, явный приоритет – это изучение современного Китая. Эту традицию отчасти поддерживают в институте Дальнего Востока. Но, что вообще исчезло – почти исчезла история Китая в XX веке. Историей Китая занимаются в настоящее время или сугубо энтузиасты, или люди, которые сохраняют интерес, к которому приобщились 30 лет назад. То есть, я хочу сказать просто: Россия утрачивает, если уже не утратила статус великой китаеведческой державы! А статус великой китаеведческой державы определяется размахом и широтой исследований.

ВГ: С Вашей стороны, какие могут быть пожелания по поводу упомянутой негативной динамики?

АП: Моё пожелание – простое: прибавить зарплату! И сразу появятся люди, которые будут заниматься и древностью, и поздним средневековьем, и стратегическим партнёрством между Россией и Китаем.

ВГ: Заниматься с энтузиазмом и достаточно профессионально.

АП: Да! Тем более, что многим людям хочется это делать! Они не делают этого по одной простой причине – не могут позволить себе и своим близким, что называется, «протянуть ноги».

ВГ: Какие качества необходимы человеку, чтобы стать хорошим, профессиональным китаеведом? Что можно пожелать молодым китаеведам?

АП: Профессиональному молодому китаеведу необходимы те же качества, что и профессиональному индологу, компьютерщику или любому другому профессионалу. Прежде всего, интерес. Если есть интерес – всё получится. При условии, что этот интерес сможет обеспечить тебе хотя бы минимум необходимого для поддержания собственного физического тела.

ВГ: Ну, это такой прагматичный подход. Но, наверно, нужны еще какие-то качества и умения.

АП: Не знаю. Расскажите мне, какие!

ВГ: Например, на уровне выбора не только периодов (древность-современность), но и отдельных тем, методик, подходов к написанию диссертаций, да и общих подходов к научной работе вообще. Любви к Китаю, наконец!

АП: Это понятно. Но интерес включает любовь. А любовь включает интерес. Интерес – первое необходимое условие для занятий любой работой, особенно научной. Интерес пробуждает любовь. Если ты заинтересован каким-то предметом, посвятил ему какое-то время и не разочаровался, то возникает как бы любовь к объекту изучения. Всему остальному научат учителя! Разнице между источниками и первоисточниками. Как писать библиографию. Как оформлять публикации. Это вещи технические. В общем, главное, это всё же интерес и порождаемая им любовь...

ВГ: По поводу интереса и любви. Вы уже 16 лет живете и работаете на Тайване. И, судя по всему, не собираетесь отсюда уезжать. Как Вы относитесь к Тайваню?

АП: Вот, Вы уже и ответили на мой вопрос. Не собираюсь уезжать. И 16 лет живу. Значит, интересуюсь и люблю. Кстати, я и остался-то на Тайване не потому что в России денег не хватало. Денег было немного, конечно. И, как все мы, российские китаеведы, в то время я занимался разными работами. В том числе работал в центре китайской медицины, который открыл один мой друг. Где работал китайский врач, а я занимался переводом. И мне это нравилось: бегать с места на место. Переводить врачам и больным, бизнесменам и простым людям, и так далее. На Тайвань я приехал по приглашению коллег и сначала не думал задерживаться здесь надолго. У меня были другие планы. В частности, было приглашение поехать преподавать в Италию. И я даже предполагал, что мое пребывание там может

затянуться. Но когда я приехал на Тайвань, случилось то, что случается, очевидно, со многими людьми, изучающими жизнь другой страны, другой культуры. Работа на Тайване позволила мне жить так, как живут тайваньцы. Об этом можно только мечтать! Ты изучаешь какую-то страну. И, вдруг, начинаешь жить одной жизнью с этой страной и её людьми. Мне это было интересно с самого начала, и до сих пор интересно.

ВГ: То есть, Вам комфортно жить на Тайване и среди тайваньцев.

АП: Ну, это не просто комфортные ощущения! Это погружение в эту жизнь! В этом и прелесть моей ситуации.

ВГ: Как китаевед и эксперт по Тайваню, как бы Вы определили качественную разницу между Тайванем и материковым Китаем, между обществами по обеим сторонам Тайваньского пролива?

АП: Если судить по первому впечатлению, которое возникает всякий раз, когда я прибываю на Тайвань или в Китай, люди ведут себя по-разному. Даже внешне. На Тайване все жутко вежливые, предупредительные. Все тебе искренне улыбаются, с выражением благодарят и приносят извинения: бу хао исы, дуй бу ци, се се ни!.. Почти рыдают от любви к другому человеку. А в Китае это далеко не так, ты сталкиваешься с несколько другим типом человеческого характера и поведения. Я не думаю, что это какие-то цивилизационные или культурные различия между Тайванем и Китаем. Скорее всего, это всё-таки результат исторического опыта последних 50 лет, который выпал на долю всего китайского народа... Чем ещё отличаются? Я бы сказал, следующее: Тайвань – это более традиционный слепок китайской культуры. И этому тоже есть абсолютно конкретные исторические и политические объяснения. Когда в Китае была «культурная революция», когда там подвергали критике Линь Бяо и Конфуция, на Тайване дети начинали изучать китайский язык со знакомства с «Саньцзы цзин» (Канон в три иероглифа), с классических формул конфуцианства, изложенных в стихах, специально для детей. Будучи более традиционным по культуре,

Тайваньское общество смогло найти в себе силы, чтобы осуществить переход от авторитарной системы к обществу демократического типа. На протяжении последних 16 лет я лично наблюдал, как всё это происходило на Тайване. Когда я приехал, то по политической культуре и институтам это было ещё полуавторитарное общество. Перед началом и после собраний в нашем университете все пели гимн Китайской республики, кланялись портретам Сунь Ят-сена и Чан Кай-ши. Ну, а теперь, это уже совершенно другое общество, другая политическая культура. То есть, за последние 16 лет тайваньское общество смогло освободиться от авторитарного наследия. Освободиться от заидеологизированности, когда есть лишь одна идеология под названием «сань минь чжуи» (Три народных принципа),⁴⁰ которой ничего нельзя противопоставить. Или же – на другом берегу марксизм-ленинизм, идеи Мао и Дэна, теория «трёх представительств»...

Тайваньское общество, безусловно, политизировано. Потому что само общество очень энергично участвует во всех политических дискуссиях, в положительном смысле. Политизированность бывает разной. Если это экспансия одной идеи-идеологии, то это плохо, по-моему. А если это вовлечённость граждан в политические споры и процессы, то это хорошо! И я наблюдаю это здесь, на Тайване. Не всем странам удалось вырваться из этой авторитарной ловушки и перейти к политическому обществу, к демократии современного типа. А Тайвань – это очень редкий удачный пример. Этим он и отличается. Мне кажется, немногие политические деятели в континентальном Китае понимают, что произошло на Тайване за последнее время. Поэтому они выражают иногда упрощённые взгляды на то, как нужно решать проблему отношений между двумя берегами. Общество вовлечено

⁴⁰ Программа национального развития Китая, разработанная и сформулированная Сунь Ят-сеном в виде «Трёх народных принципов» 三民主義 – Национализм 民族, Народовластие 民權, Народное благоденствие 民富.

здесь, на Тайване, во все политические процессы, и не учитывать его мнение уже нельзя.

ВГ: Вопрос по поводу понимания/непонимания общественных процессов. В отношении развития самого Китая также существуют противоречивые точки зрения: от самых оптимистичных до самых пессимистичных. Как вы смотрите на будущее Китая, оптимистично или пессимистично?

АП: Мой взгляд, скорее, оптимистичный. Притом, что там существует множество проблем. Общество – авторитарное. Иначе говоря, при такой модели общество само не складывает социальные и политические институты по своему положительному образу и подобию. Вместо этого власть формирует общество. И, тем не менее, думая о будущем Китая, я – оптимист. Одна из причин моего оптимизма состоит в том, что при всей критике авторитарной модели, которая существует в КНР и, с точки зрения либеральной демократии эта критика справедлива, в Китае сформировались политически ответственные элиты. Это не значит, что каждый человек во власти – кристально честный. Примеров обратного достаточно. Тем не менее, на основе национального идеала – великий, могучий, развитый, единый и процветающий Китай – сформировались элиты, которые исходят не только из своих узких, сиюминутных, эгоистичных интересов, а руководствуются и национальными интересами всего Китая. При этом, есть, конечно, вполне конкретные вопросы из числа трудноразрешимых. Например, сможет ли Китай обеспечить в ближайшие 10 лет прежние высокие темпы экономического роста? Думаю, Китай уже подошёл к пределу, когда темпы роста будут снижаться.

ВГ: Уже сейчас снижаются на уровне планов и прогнозов, с быстрых до умеренных.

АП: Снижаются, хотя темпы по-прежнему на уровне 9 процентов. И это вообще фантастика! В таком снижении нет ничего удивительного. Вопрос в том, как это будет происходить? Лавинообразно, постепенно или через

коллапс? Мне кажется, политические элиты Китая, которые достаточно основательно изучают Китай, себя и мир в целом, найдут способ контролировать этот процесс в умеренно-прогрессивных рамках. В этом смысле, главная проблема Китая сейчас – даже не демократия. Это Экология! Потому что, превратившись в индустриальную «фабрику мира», Китай навлек на себя все возможные экологические проблемы. Как известно, состояние китайской экологии – вещь близкая к катастрофе. Второй фактор – это ресурсы. Чтобы расти такими или даже похожими темпами, у Китая нет внутренних ресурсов. Китай уже стал крупнейшим в мире импортёром энергии и прочих видов сырья: коксующего угля, нефти, металлов, и т. д. Это вторая проблема. Третья проблема, наверно, связана с социальными отношениями. Она состоит в том, что модернизация Китая вызывает естественный рост расслоения общества, разрыва между наиболее богатыми и наиболее бедными гражданами. И эту проблему надо будет решать, хотя, конечно, сделать это будет сложно...

ВГ: Вы собираетесь поехать на некоторое время в Италию. Что Вы собираетесь преподавать, обсуждать с итальянскими студентами и коллегами?

АП: Буду говорить именно об этом. Мой курс называется «Reforming China: Economy, Society, International Relations».

ВГ: Ваши пожелания российскому китаеведению, кроме повышения зарплаты?

АП: А что ещё требуется людям? По-моему, ничего. Всё остальное наше китаеведческое товарищество сделает само, опираясь на собственные творческие силы...

ВГ: Существует такое понятие, как «тайваньское китаеведение». Как бы Вы охарактеризовали его особенности?

АП: Я бы сказал следующее. Тайвань – это небольшое место. На Тайване много замечательных учёных, в том числе и тех, которые занимаются Китаем. Но, конечно, тайваньское китаеведение совершенно невозможно сравнивать

ни с советским или российским китаеведением, ни с американским. Сил тайваньских учёных хватало в основном на то, чтобы исследовать отдельные проблемы исторического развития Китая. Конечно, тайваньские синологи посвящали очень много времени и сил изучению истории Китайской республики, Сунь Ятсена, «суньятсенизма», событий в Китае между 1920-ми и 1940-ми годами. Нужно учитывать также и то, что до начала 1990х годов был очень серьёзный идеологический пресс, который ограничивал появление альтернативных точек зрения.

ВГ: Был на острове ещё один наиболее общий, безусловно доминировавший с 1945 и до конца 1980х годов официальный постулат о том, что «Тайвань – неотъемлемая часть Китая». И это также накладывало мощный отпечаток на тайваньское китаеведение, не так ли?

АП: Разумеется. Поскольку с точки зрения тайваньских китаеведов тех лет это не означало, что Тайвань должен войти в состав в КНР. Предполагалось, что, наоборот, вся огромная КНР войдёт в состав Китайской республики, временная столица которой, по стечению исторических обстоятельств, находится в Тайбэе. Конечно, и в те времена, и сейчас на Тайване уделяется много внимания изучению современного Китая. Однако, внимание сосредоточено, как мне кажется, на так называемом «экспертном уровне». То есть, что происходит в руководстве КПК. Очевидно, у тайваньского китаеведения есть свои слабые и одновременно сильные стороны. Слабые состоят в том, что оно просто не в состоянии фундаментально, от начала и до конца, исследовать историю, предысторию и современные события в Китае. Сильная сторона заключается в том, что есть эксперты, которые детально знают всё происходящее в политических элитах КНР и современном китайском обществе. Как мне кажется, сегодня они могут достаточно объективно и глубоко анализировать политические процессы в КНР. Поэтому известный на Тайване журнал «Чжунгун яньцзю» (Исследования коммунистического Китая) до сих пор остаётся востребованным.

ВГ: Что вы преподаёте тайваньским студентам в университете на протяжении уже целых 16 лет?

АП: Все эти вопросы и темы имеют лишь косвенное отношение к моей китаеведческой карьере. Поскольку после приезда на Тайвань я работал в институте российских исследований, то я естественно рассказывал и продолжаю рассказывать студентам и аспирантам о проблемах истории, политики и международных отношений России. Несколько лет назад, по инициативе министерства образования, было принято интересное решение о слиянии Института России при Тамканском университете с Институтом Европы. Так сказать, исторически самая главная для России проблема – проблема историко-культурной идентификации – в Тамканском университете была решена! Россия стала частью Европы!

ВГ: Даже «неотъемлемой частью» Европы. Хотя, с другой стороны, в стенах МИД Китайской республики Россией занимается департамент по делам стран Западной Азии 亞西司 (я си сы).

АП: ... Как бы там ни было, мы пользуемся автономией. Поэтому я преподаю примерно те же самые курсы, которые я иногда меняю, конечно, и содержание меняется. Это политическая культура России, политическая система и внешняя политика современной России. Есть ещё один любопытный курс, который мне очень нравится. Называется он так: «Написание диссертаций и современные методы социальных наук». При помощи этого курса я приобщаю студентов к изучению методологии и методики научных исследований.

ВГ: По большому счёту, тут мы снова выходим на методологию в рамках различных национальных научных школ: западной, советской, китайской, японской. Как же разобраться во всех этих школах? И каким школам отдаёте предпочтение Вы сами?

АП: Ну и вопросы Вы задаёте!..

ВГ: Понятно, что все мы «сделаны в СССР» и произошли от советской научной школы. Но дальше то что? Куда и как происходит эволюция после отхода от марксизма? Снова на Запад? Или на Восток?

АП: Мне кажется, не существует того, что можно было бы назвать «западной школой». В конце концов, марксизм – это тоже «западная школа». Поэтому я стараюсь говорить со студентами не о западной или китайской... Хотя о китайской школе можно в какой-то мере говорить, поскольку там есть совершенно очевидные идеологические ограничения, и доминирует некая «китаизированная» форма марксизма-ленинизма. Но бессмысленно говорить о какой-то общей «западной школе», так как эта «школа» представлена 20 тысячами теорий! Быть может, несколько сот из них можно обнаружить в словаре политических наук. И эти теории охватывают совершенно разные подходы. Условно говоря, от «правоконсервативных» до абсолютно «левых». Поэтому мои беседы со студентами сводятся к тому, что все те теории, которые можно обнаружить в этом политологическом спектре, имеют право на существование. Просто разные теории рассматривают предмет-объект нашего исследования с разных точек зрения. Возможный выход из этого «тупика» состоит в том, что исследователю приходится иногда оперировать не одним, а несколькими подходами. В рамках каждого подхода есть определённое количество теорий. И чем успешнее мы можем совмещать разные подходы, теории и методики, тем глубже будет само исследование, тем более значимым будет его результат.

ВГ: Вопрос по поводу исследований и результатов. В этом году исполняется 21 год с момента возобновления неофициальных, но реальных связей между современной Россией и Китайской Республикой на Тайване. Но даже сегодня представления о Тайване остаются смутными не только у простых россиян, но и у учёных. Россия большая, а Тайвань – маленький. Между ними нет официальных дипломатических отношений. Так необходимо ли вообще изучать в России остров Тайвань? Если да, то почему?

АП: Мне кажется, бессмысленно ставить вопрос о том, что должна или не должна изучать наука. Наука, по определению, должна изучать всё сущее. Так же как любая империя, по определению, должна бесконечно расширяться. Пределом этого может быть только одно. Если одна империя столкнулась с ещё одной империей, а наше гуманитарное знание столкнулось с абсолютным отсутствием любых источников, подходов, теорий и методов. Поэтому российская наука, конечно же, должна заниматься Тайванем. Хотя бы потому, что Тайвань – как общество, которое в культурном, цивилизационном смысле даже более традиционно, чем современное общество в материковом Китае, смогло модернизироваться и осуществить переход к современности. Причём сделано это было в самой, можно сказать, гуманной форме, с точки зрения взаимоотношений власти и общества. Это общество, которое смогло осознать свою политическую ответственность, смириться с давним поражением и найти в себе силы продолжать борьбу, отстаивая собственные взгляды. Я не хочу сказать, что на Тайване нет проблем. В этом обществе есть немалое количество проблем. Тем не менее, то, что я наблюдаю, внушает мне оптимизм и желание продолжать изучать Тайвань.

ВГ: При всех своих малых размерах, Тайвань – чрезвычайно смешанное общество в этническом, культурном, религиозном и других планах.

АП: Это тоже одна из причин, по которой Тайвань достоин научного изучения. Есть и масса других причин. В конце концов, то «экономическое чудо», которое случилось на Тайване, также является достаточно важным объектом исследований. Тот факт, что, даже перестав показывать прежние фантастические темпы роста, Тайвань остается современной, сбалансированной, динамично развивающейся экономикой, умеет решать и видеть проблемы, – это также заслуживает и изучения, и уважения.

ВГ: 10 октября 2011 года в китайском мире отмечалось столетие Синьхайской революции. Как Вы считаете, победила ли эта революция? Победили ли идеи Сунь Ят-сена?

АП: Да. Я бы даже сказал, что идеи Сунь Ят-сена, его «три народных принципа», победили не только на Тайване, но и побеждают в континентальном Китае. Потому что, например, древняя концепция «малого благосостояния» 小康 (сяо кан), которую продвигал Дэн Сяо-пин, и даже «теория трёх представительств» 三个代表 (саньгэ дайбяо), – всё это этапы восприятия всем Китаем, как я думаю, «трёх народных принципов» Сунь Ят-сена. Да, Синьхайская революция победила. Но для этого пришлось подождать сто лет.

ВГ: Закончилась или не закончилась эта революция на сегодня, в 21 веке?

АП: Сама Синьхайская революция, наверно, закончилась в 1911 году.

ВГ: Но те процессы и идеи, которые она пробудила и стронула с места – они ещё продолжают...

АП: Да. В этом смысле Синьхайская революция, конечно, продолжается, ещё не закончилась...

ВГ: Тогда позвольте закончить на этой ноте Ваше прекрасное интервью, но, надеюсь, в будущем мы ещё не раз продолжим наши беседы о судьбах китаеведения! Спасибо большое!

АП: Спасибо! Вопросы были очень интересные!..